

Андрей Тарасов

Меньше трех месяцев осталось до памятной общечеловеческой даты — полувека полета Гагарина. Зарубка в планетарном сознании уже нестираема на века. Но миновало время, когда у нас каждый старт корабля сопровождался сообщениями ТАСС, подробными биографиями и портретами экипажей на первых страницах газет. Минутный сюжет на ТВ — экипаж убыл, прибыл... Может, это и есть признак необратимости? Вместо орудия пропаганды — рабочая площадка. Но нет ли ностальгии по «золотому веку» отечественной космонавтики? Подцензурному, правда, со всеми вытекающими... Цикл очерков нашего космического обозревателя поможет заглянуть и за эти закрытые тогда кулисы. В издательстве «Новая элита» готовится книга А. Тарасова «Полет очевидца».

Два мира — два пунктира

А не слетать ли для начала в Америку? Было бы очень любопытно сравнить нравы и обычаи в секретнейших отраслях того времени.

1989-й, декабрь, Буш-старший и Горби встречаются на Мальте, разгар «народной дипломатии», при которой в гости к НАСА отправилась группа молодых инженеров ракетно-космических КБ и заводов. Прихватили парочку журналистов. Во главе нас даже молодой космонавт гражданского отряда Саша Лавейкин. Можно составить неплохой экипаж для полета. Что и было сделано в полноразмерном тренажере «Спейс Шаттла», гордости Детской космической академии Хантсвилла, штат Алабама. Этот «Спейс-кемп» до сих пор вызывает белейшую зависть гражданина первой в мире космической державы и является недосягаемым образцом космического образования. О нем отдельно, а пока все же самое чувствительное впечатление.

Превращения дедушки Роя

Аэропорт Хантсвилла, нас встречает автобус от местных кураторов. Автобус словно из голливудского фильма тридцатых годов — такая стилизованная старина с вытянутым старомодным капотом и допотопным салоном, впрочем, ухоженным и опрятным. Так и пахнуло глубинной, традиционной Америкой. Особенно от водителя — прямой высокий седоголовый джентльмен в синей рабочей спецовке с ляпочками. Белый труженик руля и мотора. Лицо так и лучится синими глазами и доброжелательными морщинами. Наши сумки и чемоданы (некоторые вызывающе объемные, уже с международным шармом) кучатся на бетоне у входа. Американский дед с энтузиазмом берется перетаскивать их в заднюю багажную дверку. Жилистый, сноровистый, но одинокий в своем усердии шофера-грузчика. Делегация стоит, покуривая на американской земле, тон задают комсомольские функционеры, обязательные в таком вояже. Как же, белые люди... Не все выдерживают, конечно, парочка «простых инженеров» подтя-

гивается деду на помощь, устраиваем маленькую цепочку, сам водела все же задает неутомимый темп. Ну, грузчик так грузчик, работа такая. А они в Америке, как говорят, свою работу ценят. Притом не теряя улыбки, чувствуется, отнюдь не рекламной.

Сел за руль, поехали. Завез в хантсвиллский «Спейс-кемп», культурно передал тамошним покровителям, одарил совсем не стандартной улыбкой, исчез в сторону гаража... Даже обсудили потом: может, чаевые давать положено? Хочется быть джентльменами. Через день появляется снова со своим старозаветным автобусом — везти в ракетный Центр имени Маршалла. А этот Центр — шутки в сторону. Конструкторское «логово» главного конкурента нашего великого Королева на мировой космической арене — Вернера фон Брауна, вывезенного из Германии после войны, на его счастье, не к нам, а в Америку.

Дело, заметьте, еще до крушения Берлинской стены. И мы — первые русские, которых запустили в святая святых насовской ракетной цитадели. Представить нашу ракетную фирму, открывшую ворота для американцев, еще уму непостижимо. Как, добавим, и экскурсию рядовых советских туристов по «империи Королева».

Оказавшись за воротами в приемном паблик-зале с обзорными мониторами и журнальными столиками, слышим от водителя просьбу несколько минут подождать. Ждем, листаем, балуемся колой с сэндвичами, смотрим на экраны с «Аполлонами» и «Меркуриями». Наш седой грузчик-водитель возвращается — но он неузнаваем. Вместо синей ляпочной спецовки — строгий черный вытуженный костюм, «бабочка» у худошавого горла, идеальный седой пробор, глаза так же лучатся. «А теперь позвольте отрекомендоваться. Меня зовут Рой Хендерсон, я вице-директор ракетного центра по связям с общественностью, руководжу программой посещения и приемами туристических групп».

Мать честная! Только представить нашего зама генерального конструктора или генерального директора грузя-

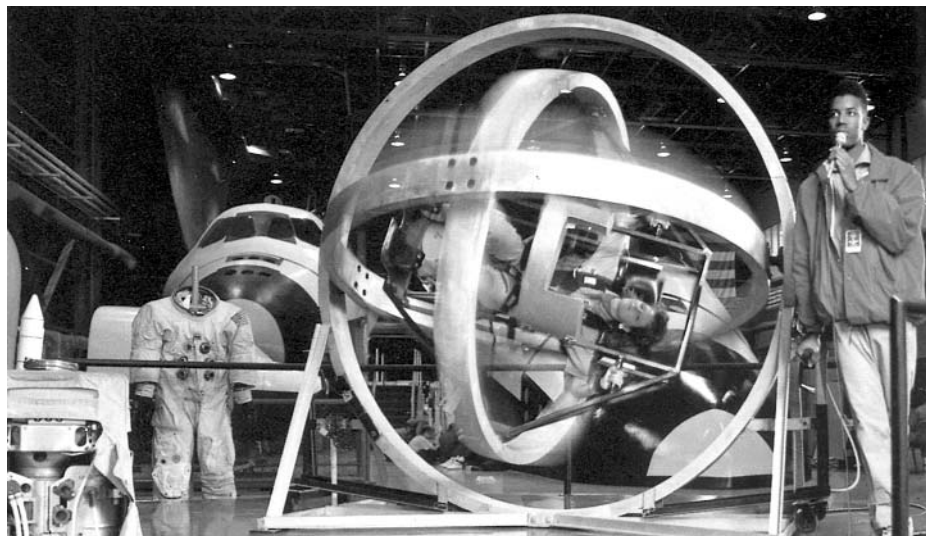
шим чужие чемоданы в багажник гостевого автобуса и садыщегося в него за баранку... Тут достаточный шок, люди опытные, представляют, что такое служебная иерархия. И наглядный урок, что такое капиталистическая (рыночная) экономия казенных средств (на лишнего шофера, на грузчиков, офисных порученцев). И я продолжаю размышлять о том же все прошедшее с тех пор время. «Особенности национальной номенклатуры»...

В таком духе и стиле дедушка Рой везет своих «первых русских» по испытательным стендам фонбраунского Центра. Это очень обширная и живописная территория из лесов, холмов, ручьев, прямо-таки тщательно оберегаемый лесопарк. Вспоминаю наши промзоны... На разных поворотах то и дело возникают фермы действующих стендовых установок в ожидании новых ракет. Одна из них, самая скромненькая, — исторический памятник: здесь испытывался «Редстоун», первое крупное изделие фон Брауна на новой родине и носитель «Меркурия», на котором Алан Шепард догонял Гагарина в мае 1961-го, в 15-минутном суборбитальном полете. Приятно видеть. Но важно знать, что он же (Шепард) побывал и на Луне в экипаже «Аполлона-14» в 1971-м... Через три то есть года после гибели нашего Юры... Вот и стенд-великан «Сатурна-5», самой крупной американской ракеты, выносившей лунные корабли. Вот где ревели, жаря бетон, все пять его двигателей. Еще спираль между озерами и холмами — выплыл цех «Шаттла», здоровенный, как элеватор. Внутри сектор двигателей, вибрационный стенд, стенд твердотопливных ускорителей. Под гидовский рассказ дедушки Роя (переводят наши же ребята) удивляюсь тому невероятному факту, что стендово-испытательная местность не превратилась в обугленную пустыню. Идиллическая чистота и природная нетронутость прямо-таки завораживают. Слишком это противостоит естественности вокруг огневых установок, емкостей с горючим, трубопроводов и турбонасосов... Просятся уже экологические сравнения, и увы...

Ракета Вернера фон Брауна в хантсвиллском музее

В лабораторном корпусе возле «стеклянного зала» выскакивает какой-то долговязый взлохмаченный очкастый аспирант и вопрошает на английском: «Кто тут мистер Лавейкин?» Нам чертовски приятно случиться причастными. Аспирант оказывается ученым-астрономом Майклом Лэмптоном, уже летавшим на «Шаттле» в первой миссии летучей лаборатории «Спейслэб». Благодаря обоим и мы вошли в действующий научный тренажер «Шаттла» при отработке новой программы. Наш гид предоволен. Его объект предстает перед компетентными гостями в лучшем виде. Но есть еще предмет гордости, выросший из ракетного центра.

Особенности национальной идеи

Возможно, на каких-нибудь божьих (космических, само собой) весах уже лежат деяния «ракетного барона» фон Брауна, умершего в 1977 году. Служба проклятому рейху, ФАУ, стрелявшие по Лондону, тут ни убавить, ни прибавить. Перевесит ли их «мирная Луна», достигнутая на его ракетном «помеле», решит сам Господь. Но не отнимешь и космического чуда в окрестностях Хантсвилла. Там на пригородной площадке с его подачи начал расти (1970) общедоступный «ракетный парк» — от пресловутой V-2 (ФАУ-2) до «Юпитеров» и самого «Сатурна-5», ракетного Гулливера лунной программы. К этому музею под небом с годами и приросла детская космическая академия «Спейс-кемп», не имеющая до сих пор аналогов в мире.

Еще на полете к Хантсвиллу мы знакомились со счастливцами, летевшими «записаться в астронавты». В этом снова удивительный американский менталитет. Моя юная соседка по ряду восьмиклассница Ребекка Паттерсон охотно делится жизненным опытом. Прирабатывает после учебы пять долларов в неделю — и вот удачно «активизировала» свои скромные сбережения. Вышла целая тысяча, так что с родителями у нее «ноу проблем». О «Спейс-кемпе» мечтала давно, с пя-

*«Колесо удовольствия»
в тренажерном зале*

того класса, но очередь туда — три года! (Кажется, это единственная очередь, с которой мы столкнулись в Америке.) Как раз с богатством она и подошла. Пятидневный курс для школьника с проживанием и питанием — 400 долларов. Кстати, за 700 диплом «спейс-академии» в менее населенный межконтинентальный просвет может получить и взрослый энтузиаст. Потом очаровательная завуч Рене Джексон покажет нам такого семидесятидвухлетнего курсанта, кувыркающегося на тренажере невесомости.

Еще вариант — милая тридцатилетняя учительница из Иллинойса Лизетта Клемонс. Победительница «областного» конкурса на звание лучшей учительницы. Первая премия штата — 25 тысяч долларов. И великолепное педагогическое решение: свозить сюда тридцать любимых учеников из младших и старших классов...

Четыре наших курсантских дня с разными тренировками и зачетным «полетом» позволили облазить этот «земной космос» Америки снизу доверху. Грандиозное сооружение ангарного типа — уникальный музейный, учебно-тренировочный и игровой комплекс с тысячами тренажеров и стендов. Все можно потрогать, ощупать руками и даже запустить в дейст-

вие с имитацией полетных процессов. От первой в мире годдардовской жидкостной ракеты до целого «Спейс Шаттла». Спускаемые аппараты, «Меркурии» и «Аполлоны», полные аналоги «Скайлэба» (их первая давняя орбитальная станция) и лунного модуля, настоящий гидробассейн для тренировок невесомости в выходном скафандре, пружины «лунного веса», крутилки и вертелки, утяжелители и облегчители — все для имитации полетных ощущений.

Все пространство напичкано компьютерными играми, мониторами с демонстрацией множества полетных сюжетов, приборами и установками бортовой космической науки от телескопов до оранжерей. Абсолютно то, что «проходят» взрослые астронавты. Все подарено фирмами НАСА. И все кишит умненькими молодыми познавателями с конспектами, сшивками бортовой документации, фотоаппаратами, диктофонами в руках. Кинозал с шестиэтажным экраном, уходящим аж в потолок гигантским вогнутым иллюминатором. Полулежа в креслах (эффект полета), смотрим головокружительный фильм о шаттловских орбитах по канадской технологии «Аймекс». Ничего подобного на своей первопрородной родине мы и представить себе не можем. Надеемся, пока...

Притом любой проходной и проезжей может войти и провести здесь час или день — разовое посещение взрослому 10, ребенку — 6 долларов. Сувенирные ларьки, магазинчики с майками, макетами, значками, видеокассетами, книгами, журналами ломятся от покупателей, кафе — само собой...

Коммерческий подход не отменяет спонсорства. Входная доска золотом по мрамору перечисляет фирмы-меценаты (с мировым брендом) и персональных благотворителей.

Днем завидовать некогда, а к ночи, добравшись до койки, предаемся этому благородному чувству. Общежитие — с виду тоже громадный дюралевый ангар, стиль и формат межпланетного города. Три высоких этажа трапов и галерей, вдоль стен — шестиместные кубрики-купе с трехъярусными полками,

в центре над оранжерейным холлом — стеклянный купол. Во всем объеме и в отдельных кубриках в считанные минуты кондишен сменит потную жару на иней. А главное впечатление знаете, какое? Ни в жизнь не догадаетесь. Даже не громовое «Доб-р-рэю утр-ро!» нашего капрала Джона, громяющее беспощадным будильником в шесть ноль-ноль. Даже не то, что, вылезши из кают в столь ранний для нас час, мы обнаруживаем в разных углах холла школьные учебные группы, внимающие инструкторам, как правило, рассевшись на мягком полу.

А в любой час дня и ночи хирургическая чистота многих душевых и туалетных залов, пропускающих ежедневно и многократно всю тысячу юных кемпинговых жильцов (в год больше 20 тысяч). Стерильный кафель сухого пола, снежная незапятнанность кабинного фаянса, исправность всех без исключения кранов и душей, свежесть и лесной аромат вентиляции... И ни одного видимого уборщика, сующего под ноги прелые тряпки... Тогда-то подумалось: «Вот она, национальная-то идея...»

Шпионская ночь

Хьюстон (штат Техас), раскидистая территория космического Центра имени Джонсона. (Всего у них 11 назовских центров.) Здесь собраны Центр управления полетами, Центр подготовки астронавтов, Центр космической медицины и множество подрядных фирм, облепивших своими аккуратненькими офисами главную штаб-квартиру. Нам удивительно всё. Меж чистеньких колес сотен автомобилей американских «простых инженеров» шныряют шустрые непугливые белки... Территория не огорожена и не отделена колючкой с будками от общегражданского пространства. На всех объектах обходим экскурсионные группы. Три доллара за билет стоит отсидеть сеанс связи на балконе Центра управления полетами, куда у нас допускают только почетных гостей, или поглазеть на астронавта в кабине шаттловского на-

турного тренажера. Диво для нас дивное. Но первым делом — в типичный для каждого насовского комплекса «визитор-центр», опять-таки музей и «дом юных космонавтов».

Он тоже кишит школьными группами и одиночками, копирующими космические эксперименты. Снова аппараты и агрегаты, даже два твердо-топливных ускорителя «Шаттла» в стеклянном разрезе, с подсветкой. Один — до катастрофы «Челленджера», другой — после, результат конструктивных перерасчетов и доработок, повысивший надежность блока. И вот они, «виновные» кольца блочных соединений — до трагедии и после нее. Смотри и убеждайся. Что-то не припомнить такой открытой «анатомии» технологий у нас с парашютом, погу-

бившим Комарова, или смертельным клапаном корабля Волкова — Добровольского — Пацаева...

Но это не все. На втором этаже — пультый и дисплейный зал. С тем самым панельным сектором, откуда шло реальное управление несчастным «Челленджером» в первые и последние 70 секунд его трагического полета (1986), так оглушившего мир... Теперь это специальный космический класс для юных астронавтов, а реальная аппаратура для него выкуплена и поставлена на средства родственников погибших членов экипажа. Это не только трогательно как память. Это

*«Спейс-Шаттл»
в натуральную величину*

чисто по-американски: ответ на вызов. То, что во многом веками формировало национальный характер.

Но самое занятное — встреча этих характеров и менталитетов. По поводу, например, для нас симптоматичному. Оказаться шпионом в американском космическом центре — мечта каждого советского пионера. Но в зрелом возрасте исполнение этой мечты может не на шутку перепугать. Такой испуг я и испытал в одну хьюстонскую декабрьскую ночь.

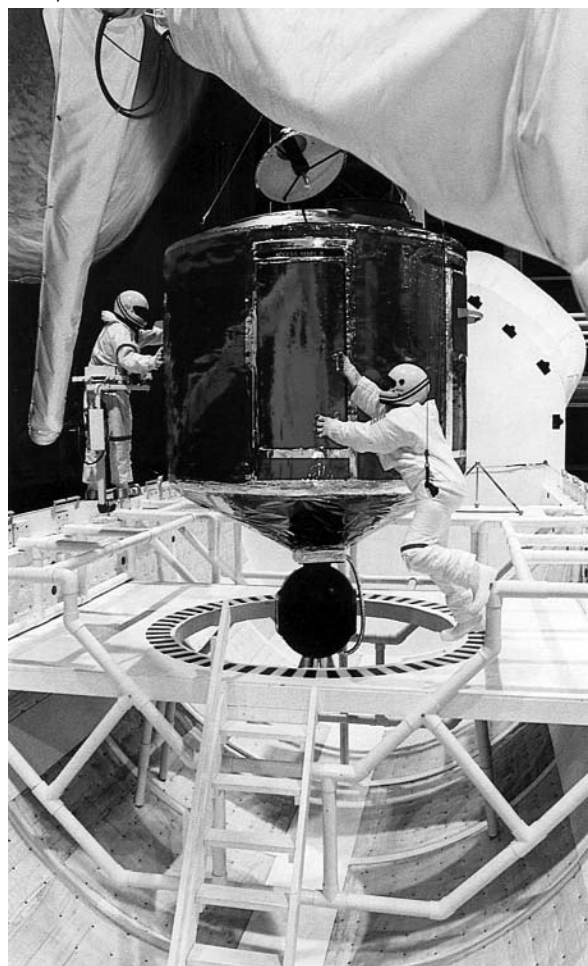
Поздний-поздний вечер, после переговоров и дискуссий с местной научно-технической элитой на темы будущих совместных проектов... И нас с Сергеем Жуковым, англовладеющим инженером-космиком, поэтом и журналистом, забирает к себе домой наш новый знакомый Чарлз Блэкнелл. Тридцатилетний насовский инженер занят на будущей станции «Фридом». После официальной части является преображенный. Вместо серой дипломатической «тройки» — стильный джинсовый костюм и техасская шляпа. Ковбойский конь — великолепный фордовский фургон-микроавтобус с отличной видеосистемой в салоне... Куплен месяц назад за 30 тысяч долларов, так что маленький «Шевроле», на котором раньше гоняла вся семья, немного отдохнет в гараже. Дальше гордость распространяется на дом-коттедж, который он очень хотел показать. 1700 квадратных футов, 67 тысяч 100 долларов в рассрочку на 30 лет, их них 9 уже оплачено. (Молча вспоминаем подлипкинские хрущобки наших спейс-инженеров.) Национальный звездно-полосатый флаг в прихожей, в аккуратном стояке, вроде поста номер один в воинской части...

Но главная гордость Чарлза — победа в серьезном конструкторском конкурсе. Работая в компании «Макдоннел-Дуглас», одном из крупнейших подрядчиков НАСА, его хьюстонском отделении, в последние два года чертил конкурсный обзорный купол всей новой станции, такую «караульную вышку», откуда ведутся управление монтажным манипулятором и наблюдение за всем «городом». (За-

втра мы ее увидим и вместе облизим на полномасштабном макете «Фридома».) А вот у жены Каролин на фирме, снова гордится Чарлз, есть новейший дизайнерский компьютер такого уровня, что ахнете. Каролин, надо сказать, тоже конструктор. Ее объект — восьмиместный спасательный корабль, мини-шаттлик, который будет нести дежурную службу и быстро связывать станцию с Землей. Ее фирма «Игл корпорейшн» — тоже подрядчик НАСА. Да что там голову морочить, надо немедленно ехать и показать нам заодно с компьютером интереснейшие рисунки и модели.

Время — час ночи. Пить мы не пили, ограничившись мороженым. Еще

*Учебный
«открытый космос»*

сколько ехать... Хорошо представляется, что такое глубокой ночью подвезти к советскому секретному КБ двух иностранцев. Без заранее заказанного пропуска, без месячной переписки с руководством за разрешением и прочее. И лезть в проходную с охраной. Или лезть через забор с ключочкой под током? ЦРУ с ФБР, небось, тоже не спят. Но Чарлз только рукой машет и уже надвигает на лоб свою ковбойскую шляпу. Хоть поджилки наши внутри подрагивают, «Форд» снова прет по ночной тexasской трассе от коттеджного городка к часовской территории. Подлетаем.

Действительно, трехэтажный культурненький офис, никакой ограды, никакой проходной. Весь оплетен рождественскими гирляндами, незапертая стеклянная дверь нараспашку. С трудом верится — вот сейчас навалются и схватят! Ага, попались с полничным, искатели чужих секретов! Однако на входе ни души. Чарлз и Каролин бодро включают максимальный свет в коридорах и конструкторских кабинетах (фотографируй, что хочешь). Тревожная сигнализация молчит. Открываются чертежи, рисунки, макеты — космическая станция будущего на звездном вселенском фоне. Вдруг находим одинокого работника — бородатый дядька дружелюбно кивает, вытаскивая деревянную модель. «А, это тоже дизайнер, у него

*В космическом
«кресле-каталке»*

перепутались день и ночь, сейчас он работает, а днем спит, привычка такая...» Неплохая привычка для режимного предприятия. Постепенно осваиваемся, перестаем говорить шепотом, любимся на красивые рекламные картинки «Фридома», развешанные по стенам, смотрим, как Чарлз демонстрирует в конструкторском компьютере создание узлов и деталей. Потом он беспрепятственно выведет нас наружу, доставит в гостиницу (километров за тридцать от Центра), и только тогда доберется снова до дома. Штука в том, что ему выходить на службу в 7-00. Но если человеку надо показать гостям все его гордости, он бессонно летает на крыльях... И ни одного охранника так и не появилось.

Теперь, может, там охраны по известным причинам прибавилось... Теперь «Фридом» сегментами припилен к нашему «Миру-2», и это называется МКС... Теперь и у нас подновился на электронно-онлайновом уровне Музей космонавтики возле ВВЦ (Александр Лавейкин, кстати, заместитель директора)... Стало больше экскурсий в Звездном городке... И все же, все же... Того, как видели мы тогда в призме раскрепощенного будущего и нашу космонавтику, пока нет...